

В. Кучерявкин

Осеннее возникновение матери

1

Словно статуи летят в рамках бледных картин,
Белые и прекрасные.

Всматриваясь, узнаешь отца и мать,
Они здесь, они летят рядом, о да, тихие и прекрасные.
Я иду по земле, осень, холодно,
Слякоть, похоже, проникает сквозь мокрую кожу ботинок,
И лишь деревья напоминают о том,
Что рядом они, отец и мать, здесь и всегда.
О чем-то шепчутся двое на скамейке,
Падает лист, парус, под которым мы отправляемся
в океан зимы,

И ты присмирела — слово "завтра"
Рождает агонию тихую взгляда,
Так всегда с тех пор, как горит факел человеческого
тела.

Они то приближаются, протягивая матовые руки,
То отлетают, как клубы дыма, а ты,
Ты хочешь лишь одного: смежить глаза
И лица не отрывать от плеча моего.

2

Сегодня больше не будет витать над сознанием
Сгорания дух беспокойный...

Черное тело пешехода вспыхнуло в подворотне,
Большие глаза звона плывут по угасающей башне
в темных водах деревьев,
Зеркало, настольная лампа и шкаф, унылый,
как похоть зимой —

Все растворяется в серых волнах дремы.
Приляг — теперь уходим в пустыню неврастении,
Монотонным танцем рук провожая улетающий алкоголь.
Хоть глоток этих деревьев, чье шуршание так прохладно! —
Напиток губ твоих горяч и тяжел.

3

Бесконечная, как удары маятника, полусонная тишь,
 И жалобный голос сочится в вечернем воздухе.
 /Когда ты, опьяненная ежевечерним желанием плача,
 Бежишь туда, где прячется горе на склонах холмов,
 Мы слышим: глубокое дыхание ночи принимает тебя/.
 Как хочется, дети заката,
 Как хочется, дети неслышного заката,
 Что приближается к дому волна за волной,
 Упасть в раскрытые руки вечернего часа
 И шептать друг другу: завтра мы будем счастливы, завтра,
 Озаренные внезапным пением дождя и белой крыши.
 /Твой шепот проходит в одичалом небе,
 Все слабее, все тоньше твой голос — бабочке подобен он,
 Что плавает в луже холодной, прекрасная — мы еще будем —
 прекрасная.
 Сквозь завесу твоей печали месяц, месяц,
 Раковины пустыне, глаза, намокшие крылья/.

4

Мы смотрим, как она уходит вверх по ступеням,
 Растворяясь в розовой голубизне,
 Нам и не снилось такое блаженство — уход,
 Легкий, как головокружение после сна.
 Так идут и дорогами клеток, охваченных распутицей
 гниения.

Небо пахнет, как свежая рана,
 Мы смотрим, хмельные:
 Над морем дождь,
 Мы не устали.

5

Неподвижно тело твое, едва различимо дыхание,
 Но слышно отчетливо дыхание звезд —
 Мерной поступью они идут, пронося в небе наши судьбы.
 Осень только что простилась с нами, теперь помни,
 Под барабаны смеха надвигается белое лицо зимы,
 Осень простилась с нами, теперь помни,

Голубиным крылом тебя накрывает холод.
Тонкими пальцами слепи нам под вечер дочь,
Мы петь ее станем, осторожно ведя голоса в лабиринтах
любови,
Мы наденем старые маски и, уходя, за собой развернем
Бесконечные волны безмолвия — так отмечается
праздник времени!
И дитя, высоко взвивая плач,
Распустится, как далекая воля, как небо, оголенное
ветром весенним —
Рождение, небо и воля...
Что останется там, в коконе протяженности,
Ветер, ветер запишет нас на своих покровах.

6

Только ударил в ладони сбежавший с холмов
Осенний ветер, ты помрачнела.
Считая нити своей бесконечной пряжи,
Эти ритмы неровные, эти волосы теплые мертвых,
Говорила ты: "Там, за стеной облаков
Усталые солнца идут одно за другим
И число их ужасно!" —
Да, число их ужасно, и мать за ними, безумная мать
Как огонь летит, развеваясь по ветру,
Ярость и пепел рождает чрево ее!
А ты,
Ты кричишь о новом зачатии.
Просыпаясь во тьме, я долго гляжу
На твое дыхание — розовое вечернее море.
Ты снова бредешь влажной тропинкой к дому,
Населенному странными птицами: они, будто стоны твои,
Замирают, чуть к ним прикоснешься,
Но, в зачатии сонные, вонзаются в небо они наконец,
Крошечные мальчики с черными крыльями,
Полные предчувствий и гордости.
Уходит моя жизнь — идет другое,
В забвении почти невидимый начинается полет,
Все меньше нужно неба — паренье, паренье.

Стекло рассвета опускается, пробится, и осколки его
Облекают тающее сознание. Так было как-то на горе,
Давно упавшей в книги — и губы мягкие поют моим губам
Старую песнь, знакомую песнь.

Так долго длится утро.

Так долго длится любовь.

Протяжный крик утра висит над просыпающимся домом
Как сталь. И вот солнце, золотой кувшин, вливает в нас
Первые капли... забудь слова того сумасшедшего о старых
мехах!

Когда ты окунаешь глаза свои в страх,
Я знаю: боги не совершенны, все, кроме тебя.
Негромко дребезжит крышка чайника,
Мы все хотим жить, преступные, мясо,
И есть еще великолепный, как парус, день,
Уходящий колмаами туда, где не смолкает смех.

Утром кожа сна сходит с трудом
И, будто в огне, сворачивается в слова:
Тесные сумерки...
Выгляни в окно — там, как всегда,
Над крышей кружит сумасшедшая птица.
Сидя на крыльце хорошо видно,
Как медленно уходит облако дня,
И ночь восходит с востока, играя,
Как черное солнце в записках моего друга.
Он приходит в сумерках, медленно поднимаются
Его губы, ведя череду слов:
"Товарищи по плачу, взлетающему к небу белой птицей,
Танцоры, уставшие убежать от мучительной музыки сфер,
Когда черные ладони ночи опустятся нам на плечи,
И побежит в поля затихающая весть о празднике,
Я впущу вас сюда, в пещеру памяти моей и песни,
Где качаются законы, старые, как матери,
Мы ляжем на пол, сладко пахнущий телом,
И станем слушать, как неторопливо приходит и уходит
жизнь".

Лишь на рассвете встает предо мной, слушающим,
Торжественная стена сна.